

СЛОВЕСНЫЕ ФОРМУЛЫ В МАГИЧЕСКОМ РИТУАЛЕ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2019 г. Т.А. Агапкина

*Институт славяноведения
Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 24 мая 2018 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-310-329

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (№ 17-18-01373)

Аннотация: В статье прослеживаются источники восточно- и западнославянских заговорных формул от червей в ранах. В магическом фольклоре восточных и западных славян, а также германских народов известны короткие заговоры, которые читали в том случае, если в загноившейся ране появлялись личинки мух или даже черви. Чаще всего такие заговоры адресовались домашним животным (лошадям, коровам, овцам, свиньям), реже — человеку. Рассматриваемые в статье восточно- и западнославянские заговоры от червей в ранах интересны в методологическом отношении, поскольку показывают, как символика заговоров, их мотивы и язык формируются на пересечении ритуала, фольклорной образности и диалектной речи. В более широком типологическом смысле ритуал «заламывания червей» можно рассматривать как частный случай применения тактики угрозы по отношению к растениям, который вписывается в широкий контекст славянской магии.

Ключевые слова: заговоры, славяне, фольклор, ритуал, болезни скота, диалектная лексика.

Информация об авторе: Татьяна Алексеевна Агапкина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32 а, 119334 г. Москва, Россия.

E-mail: agapi-t@yandex.ru

Для цитирования: Агапкина Т.А. Словесные формулы в магическом ритуале: аспекты взаимодействия // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 1. С. 310–329.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-310-329

VERBAL FORMULAS IN THE MAGICAL RITUAL: ASPECTS OF INTERACTION

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2019. T.A. Agapkina
*Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*
Received: May 24, 2018
Date of publication: March 25, 2019

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation, project “Slavic Archaic Zones in the European Area: Ethnolinguistic Research” (grant number 17-18-01373).

Abstract: The article traces the origins of the Eastern and Western Slavic charms intended to cast worms out of the wounds. Magical folklore of the Eastern and Western Slavs, as well as of the German peoples, counts short verbal charms recited when the wound festers and has fly larvae, or even worms, inside. Often, such charms are cast over farm animals (horses, cows, sheep, and pigs), but sometimes, though less frequently, are employed to cure people. Such Eastern and Western Slavic charms have methodological interest since they show that the symbolism of charms, their motives and language develop at the intersection of ritual, folklore imagery, and dialect speech. In the typological sense, the ritual of “breaking off” the worms can be regarded as an individual case of a broader threatening strategy in relation to plants which fits into a wider context of magical rituals.

Keywords: charms, Slavs, folklore, ritual, diseases of livestock, dialectal speech.

Information about the author: Tatyana A. Agapkina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32 a, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: agape-t@yandex.ru

For citation: Agapkina T.A. Verbal Formulas in the Magical Ritual: Aspects of Interaction. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 1, pp. 310–329. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-310-329

В вербальной магии восточных и западных славян, а также германских народов известны короткие заговоры, которые читались в том случае, если в загноившейся ране появлялись личинки мух или даже черви. Обычно такие заговоры адресовались домашним животным (лошадям, коровам, овцам, свиньям), изредка — человеку, еще реже их читали над огородными и полевыми культурами (злаками, капустой и др.), пораженными гусеницами и другими насекомыми-вредителями. В Нижегородском крае, к примеру, *хлебным заломом* называли появление на полях червей, которые портили зерновые культуры [21, № 60].

Заговоры от червей в ране представлены несколькими сюжетными типами. В одних червей «приглашают на свадьбу» — в надежде, что они уйдут и покинут больное животное; второй тип заговора реализует модель обратного счета (обычно от 9 до 0), который символизирует убывание / уменьшение и в конечном итоге низведение болезни или ущерба до нуля; третий тип заговора основан на мотиве последовательного выведения червей из тела заболевшего животного, начиная с его головы и заканчивая лапами или хвостом. Основные сюжетные типы заговоров от червей не так давно были рассмотрены Т.В. Володиной на материале восточно- и западнославянских, а также германских заговоров [6]. Ей удалось установить связи славянских и германских текстов и проследить их динамику во времени и пространстве.

Помимо этих сюжетных типов, восточным и западным славянам известна еще одна группа заговоров от червей в ране, являющихся составной частью небольшого ритуала, суть которого в следующем. Некий человек (знахарь) находит определенное растение, наклоняет его до земли и при

этом произносит вербальную формулу: обращаясь к растению, знахарь призывает его удалить из раны червей, обещая в этом случае отпустить его, а в противном, если растение не избавит животное от червей, — оставить его прижатым к земле. Ритуал до сих пор фактически не исследован, хотя в литературе, посвященной славянской этноботанике, о нем упоминается, и не раз (см.: [16, с. 605; 18, с. 245–246]).

Ритуал и сопровождающие его короткие заговоры записывались начиная с XVIII в. и вплоть до самого последнего времени. По имеющимся у нас сведениям, они известны чехам и мораванам, полякам, литовцам, белорусам, украинцам и русским. В нашем распоряжении имеется:

- 8 восточночешских и моравских заговоров;
- 8 польских с территории Польши и еще по крайней мере 1 — из Литвы;
- около 10 литовских заговоров: Д. Вайткевичене приводит по крайней мере 6 таких текстов для избавления от червей и еще несколько аналогичных заговоров, которые читали для лечения других недугов [38, № 28–41]; М.В. Завьялова просто упоминает о том, что в Литве зафиксировано более 10 текстов обращения к чертополоху от червей [14, с. 227];
 - 7 украинских;
 - 4 белорусских (известен еще один, опубликованный в: [12, с. 211, № 2], но он не может считаться аутентичным);
 - около 40 русских — с территории Поволжья, Центральной и Южной России, а также из Сибири.

Ритуал активно представлен в Моравии, но, кажется, его нет в Словакии; он широко присутствует в Литве, Польше и на Украине (преимущественно на западе и юго-западе), но при этом малоизвестен в Белоруссии; на обширной территории Европейской России ритуал распространен практически повсеместно за исключением Русского Севера. Для уточнения географии ритуала нужно учитывать также, что в германской традиции, как мы упоминали выше, известно несколько других типов заговоров от червей, а ритуалы пригибания чертополоха зафиксированы в восточной Пруссии, в зоне пересечения германского, славянского и балтийского населения (см.: [39, S. 15]).

Самая старшая из известных нам на данный момент вербальных формул, относящихся к этому ритуалу, имеется в чешском травнике 1700 г.

В ней некто, называвший себя Яном, требовал, чтобы чертополох избавил от червя некую Дороту: «Ve iménu Boha Odce, Boha Syna, Boha Ducha Svatého. Já Jan shejbám tě, zakrývám tě, mořím tě, bodláče, dokud' nedobydeš Dorotě červa z její hlavy, z jejho těla, z jejho ze všeho oudu. Toho mi dopomáhej Bůh + Odtec, Bůh + Syn, Bůh + Duch Svatý, všejeden Hospodin, jeden Bůh od věků na věky. Amen» [Во имя Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого. Я, Ян, бью тебя, морю тебя, чертополох, до тех пор пока ты не вынешь червя у Дороты — из ее головы, из ее тела и всех ее членов. Помогай мне Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, Единый Бог от века и навеки] [42, s. 206]. И хотя здесь речь явно идет о человеке, в славянских источниках более позднего времени сам ритуал и входящие в его состав формулы, как мы говорили, чаще применялись по отношению к заболевшей скотине.

Время, место, сопутствующие ритуалу обстоятельства. Как и любая другая магическая практика, изгнание червей из раны ритуализовано в своих деталях. Совершают процедуру обычно на рассвете до восхода солнца, но иногда и на закате; случается, что ритуал повторяют в течение трех дней, утром и вечером; если скотина черная, то растение сгибают в направлении на запад, в других случаях — обычно на восток; прижимают к земле рогатиной, палкой или особым камнем — плоским, взятым из-под водостока и т. д., а развязав растение, обязательно возвращают камень на место; совершая ритуал, животное иногда подводят к растению, хотя чаще этого не делают. В вербальных формулах, произносимых при этом, обязательно называется масть животного и другие его приметы, а также указывается место, где находится загноившаяся рана, как, например, в следующем белорусском заговоре: «Dziwanna... kab ty... karowie burej z rany u pachwinie wyhnała czerwi» [Диванна... чтобы ты... у коровы бурой из раны в подбрюшине выгнала червей] ([45, s. 226] Витебская губ.), или в русском: «Репейник, репейник, выведи червей из правой ноги у коровы шерстью черной, а рога калачом» ([2, с. 20] Нижегородская губ.). Наконец, бывает, что вербальная формула детерминирует даже время, в течение которого животное нужно избавить от червей, а его рану заживить: «...вывиди червей у мово скота, у мово живота в трой сутки и заживи рану в три часа»¹.

1 Бутурлин А. Загадки, приметы, присловицы, гадания, сбор. в с. Сурадзево Княгининского у. // Архив Русского географического общества. СПб. (Далее — РГО.) Разряд XXIII. Оп. 149. Л. 45. Нижегородская губ.

Однако самым любопытным является другое: во многих описаниях упоминается о том, что для ритуала обязательно выбирают цветущее растение [44, с. 284; 21, № 61]. А это означает, что в данном случае речь идет о сезонной привязке лечебного ритуала, который совершается исключительно в летнее время, в короткий период цветения растений, см. соответствующее название пермского ритуала *лечить барана летом от червей* [29, с. 24].

В ы б о р р а с т е н и я . В качестве инструмента магии почти повсеместно использовались колючие сорняки (чеш. *bodlak*, пол. *oset*, рус. *мордвин*, *татарин*, *татарник*, *репей*, *чертополох* и др.). Эти фитонимы — названия не отдельных видов, а, как правило, общее обозначение колючих сорняков, принадлежащих разным ботаническим родам (подробнее об этом явлении см.: [18, с. 234]). Изредка в заговорах появляется *крапива* — жгучее растение, которое, подобно колючим сорнякам, также может использоваться в качестве апотропея. В украинской и белорусской традициях по преимуществу, а иногда и в польской заговоры обращены к растению *коровяк* (лат. *Verbascum*): пол. *dziewanna*, бел. диал. *дзіванна*, *дзівонна* [32, с. 50], укр. диал. *дивина* [31, с. 270], которое считается лекарственным, однако не является ни колючим, ни жгучим. Наконец, в одном белорусском заговоре упоминается *бульняк* (бел. *быльнік*), в одном русском *чернобыл* — оба этих диалектных названия означают полынь (лат. *Artemisia*), отличающуюся сильным запахом и также используемую в магии в качестве апотропея. В русских заговорах растение, к которому обращаются, может просто называться *травой* и др. Иногда в вербальном ритуале фигурирует осина, поскольку она считается сильнейшим апотропеем, особенно у восточных славян. Так, в Симбирской губ. чертополох прижимают к земле рогулей из осины²; в Саратовской — произносят заговор, держась рукой за осиновый куст³, а в Сибири заламывают именно осину и к ней же обращаются в заговоре: «Осинка, осинка, однолеточек осинка, поди ты, осинка, выведи червей ис черныя овцы» [26, с. 20].

Выбор растения определяется не только его ботаническим видом. Если речь идет о чертополохе, то берут растение с крупной головкой, с нечетным количеством головок или же руководствуются полем скотины:

2 Юрлов В.П. Материалы для этнографии Симбирской губернии // РГО. Разряд XXXVII. Оп. 16. Л. 61 об.

3 Розанов А.И. Простонародная медицина в Саратовском уезде // РГО. Разряд XXXVI. Оп. 48. Л. 43.

мужскую особь лечат у мужского куста коровяка, женскую — у женского ([40, с. 461] Волинская губ.).

Персонафикация растения. Заговоры демонстрируют тенденцию к «формированию» личностной характеристики растения (к которому обращен заговор) — прежде всего за счет разнообразных приложений (в форме личного имени, терминов родства, наименований титула и социального статуса и др.), которые уточняют объект персонафикации. Вместе с тем названная тенденция проявляется себя в отдельных традициях по-разному. Как следует из заговоров, у русских растение (чертополох, коровяк) «наделяется» высоким социальным статусом, отсюда такие обращения к нему, как *Ты ц а р ь трава Чертополог; Ц а р ь татарин! Ц а р ь мордвинник! Ты трава ц а р и ц а; К н я з ь татарин, стоишь ты над князьями выше всех и над царями выше всех; Татарник, татарник, б о я р и н! Барин татарин!* и др. Или в обращении к растению используют термины родства: *М а т у ш к а крапивушка, святое дерево! М а т у ш к а трень-трава.* В польской и украинской традициях в обращениях к растению употребляются умиловительные и уважительные формулы вроде *Prześliczna panno, piękna dziewanno* [Прелестная пани, прекрасный коровяк], *Mój panie oście* [Мой пан чертополох], *Dziwanie, moj dobry panie* [Коровяк, мой добрый пан], *Дыванна-панна* и др.

Встречаются также обращенные к растению формулы приветствия: «Бог помочь тебе, татарин, здоров ты живешь, я пришла к тебе с жалабай на чярвей...»⁴; «...растет трава татарин, я х тебе пришел, барин, с великою нуждой, с большою доукой, кланиюсь я тебе...»⁵; «Ох, ты, татарин-мордвин, сослужи мне службу: выведи (из такого-то животного) червей...»⁶ и т. д.

Действия с растением и их символика. Мы упоминали, что растению, к которому обращен заговор, часто угрожают, причем угроза выражена как вербально (в заговоре), так и акционально: растение пригибают к земле и его верхушку тем или иным образом закрепляют внизу — привязывают к стеблю, прижимают к земле камнем,

4 *Пятницкий С.И.* Этнографическое описание прихожан села Замощья Мосальского у. Калужской губ. // РГО. Разряд XV. Оп. 41. Л. 17 об.

5 *Бутурлин А.* Загадки, приметы, присловицы, гадания, сбор. в с. Сурадзево Княгининского у. // РГО. Разряд XXIII. Оп. 149. Л. 45.

6 *Александров А.* Песни и суеврия. Раздел «Из области ангарских суеверий» // РГО. Разряд XXIII. Оп. 148. Л. 23 об.

вытывают в землю при помощи колышка. Соответствующие действия сопровождаются произнесением вербальных формул, иногда апеллирующих непосредственно к действию и его результату, см. формулу невозможного: «Как тебе, мордвинник, головы не подымать, так у скотины червей не бывать»⁷.

Сама вербальная формула обычно ограничивается простой угрозой (не отпустить растение, сломать его, проклясть и т. п.): «Dziwanie, moj dobry panie, wypędz z kapusty robaki. Kiedy wypędzisz, odpuszczu, a nie wypędzisz, nie odpuszczu» [Коровяк, мой добрый пан, выгони червей из капусты. Когда выгонишь, отпущу, а не выгонишь, не отпущу] ([38, № 1613] польский заговор, записанный в Литве); «Татарин, татарин, выведешь червей — отпущу, а не выведешь — сломлю!» ([25, с. 226] Тульская губ.); «Мордвин, мордвин, вытачи червей у (свиньи, коровы и т. п.), я тебя отвяжу, а не выточишь, я тебя не отпущу»⁸.

Но возможно и иное развитие событий, когда действия с растением приобретают символический смысл, и в вербальной формуле появляются разнообразные метафоры уничтожения, такие как

— «сломать/снести/срубить растению голову»: «Bodláčku, ja tobě tvou hlavu zlomím, pod kámen ti ji vložím, nepustím tebe, až mně nevyženeš z mého hovada červy z jeho místa» [Чертополох, я тебе твою голову сломаю, под камень ее положу, не отпущу тебя, пока ты не выгонишь червей из моего животного из его места] ([35, с. 236] Чехия); «Чуешь, крапиво: се не выпадут робаки из червоного вола, то я тоби голову здойму» [Слышишь, крапиво: если не выпадут черви из красного вола, я тебе голову сниму] ([15, с. 440] Гродненская губ., Бельский у.); «...я х тебе приду с ножом вострым, с топором булатным, я тебе голуу ссеку...»⁹.

— «связать червей в узел»: русский заговор «Царь татарин, замори червей; завяжу, затыну крепко-накрепко, от ныне и до века и по веки», при этом завязывают узлы на веревочке ([7, с. 290] казаки на Урале);

7 Юрлов В.П. Материалы для этнографии Симбирской губернии // РГО. Разряд XXXVII. Оп. 16. Л. 61 об.

8 Мануев Д.И. Этнографический материал, собр. в д. Ерденево Бетинской вол. Касимовского уезда // Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края. Кн. 2. Д. 38. Л. 1 а. Зап. 1923 г.

9 Бутурлин А. Загадки, приметы, присловицы, гадания, сбор. в с. Сурадеее Княгининского у. // РГО. Разряд XXIII. Оп. 149. Л. 45.

— «запереть растение в тюрьму»: «Pcháčo, bodláčo... Tebe já zavírám do žaláňa a spíš ti nepropustím, dokad' tech červů z ráne nevyženeš» [Жолючка, чертополох... Я тебя запираю в тюрьму и до тех пор тебя не выпущу, пока ты этих червей из раны не выгонишь] ([36, s. 272] Моравия);

— «обречь растение на муки»: «Dotąd cię będą męczyć oście — dopokąd nie wyjdą z mojej krowy goście» [До тех пор буду тебя мучить, осот, пока не выйдут из моей коровы гости] ([41, s. 57] Польша);

— «известить корень и породу растения», т. е. уничтожить растение со всем его будущим «потомством»: «Репейник, репейник... если же ты не выведешь червей, весь род твой и подрод переведу» ([2, с. 20] Нижегородская губ.); «Ежели не выведешь червей, посушу весь твой род, высушу весь подрод»¹⁰.

Ритуал предусматривает и обратные действия — на случай, если растение исполнит просьбу и выгонит червей. Считается, что, когда черви пропадут и рана очистится, надо обязательно отвязать растение или снять с него камень, чтобы оно могло распрямиться: «Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня р.Б. и.р., есть у него в зубах черви и ты оных выведи; ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя в третий день отпущу» [1, с. 77]. При этом растение не только «освобождают» из заточения, но и благодарят за помощь: «Bodláčko, já tebe propřoším z tvýho vězení a děkuju ti za to zpmožení» [Чертополох, я тебя выпускаю из твоего заточения и благодарю тебя за эту помощь] [36, s. 272]. Верили, что, если не освободить растение, скотина пострадает, заболит или падет.

В моравских, польских, украинских и белорусских заговорах в обращении к растению нет императивного требования удалить червей из раны: в них просто сообщается, что знахарь не отпустит растение до тех пор, пока черви не покинут рану (*не выйдут, не вылетят, не выплутся*):

— моравский заговор «Korřivo, já tě zlámo hlavičko, aby vepadale naši bíly svince červi z vosaso» [Крапива, я тебе сломаю головку, чтобы у нашей белой свинки выпали черви из хвоста] [36, s. 272] (перевод: [4, № 297]);

— польский заговор «Oście, oście, dotąd cię nie puszcze, póki z tego zwierzęcia nie wylecą goście» [Чертополох, чертополох, до тех пор тебя не отпущу, пока из этого животного не вылетят гости] [37, s. 468];

¹⁰ Александров А. Песни и суеверия. Раздел «Из области ангарских суеверий» // РГО. Разряд XXIII. Оп. 148. Л. 23 об.

— белорусский заговор «Oto ja ciebie zginam dziewanno na zachód słońca, i róty cię nie puszcze, aż nim u (тут указать вид животного и масть) nie wyradna robaki» [Вот я тебя сгибаю, коровяк, на запад, и до тех пор не пушу, пока у животного такой-то масти не выпадут черви] [43, s. 123].

Несколько иная ситуация складывается в русской традиции, где к растению, напротив, обращаются с императивным требованием избавить рану от червей. Для выражения этого требования в русских заговорах используется несколько глаголов — *вывести*, *выгнать*, *выточить*, *заморить* и *заламывать/заломить* и *выломить*. И если глаголы *вывести*, *выгнать*, *выточить* в контексте заговора вполне понятны и передают идею удаления (ю.-рус. *выточить*, *выточать* «выпустить струей, высыпать что-л.» [30, т. 6, с. 41]), и прежде всего «принудительного» удаления червей из раны (*вывести*, *выгнать*), а также их умерщвления (*заморить*), то с глаголами *заламывать/заломить* и *выломить* не всё так просто и понятно. Некоторая неопределенность его значения связана прежде всего с тем, что в заговорах этот глагол может иметь два объекта — растение и червей.

В ряде примеров *заламывать* — это название самого ритуального действия, т. е. глагол отражает акциональность ритуала: человек подходит к растению и наклоняет его к земле или даже надламывает, но при этом окончательно не ломает. С опорой на это значение («сгибать растение, не ломая его») и сам ритуал получает название «заламывать растение», например, *заламывать траву* [10, с. 251].

В других случаях глагол *заламывать/заломить* означает действие, которое колючее растение «должно» совершить в отношении червей в ране, и тогда формальным объектом этого действия оказывается не растение, а черви. Иными словами, здесь глагол *заламывать* отражает функцию и смысл ритуала — уничтожение червей: «Матушка трынь-трава, з а л о м и ч е р в е й у такой-то коровы» [8, с. 323].

Наконец, возможно, что глагол *заламывать/заломить* объединяет оба эти элемента: акциональный и функциональный, и в этом случае ритуал получает название типа *заламывать червей на мордвинник* ([28, № 40] Симбирская губ.).

Обратим внимание на то, что в русских диалектах конструкции предлога *на* с существительным в винительном падеже (сделать что-то на что-то) соответствуют конструкции с творительным падежом без предлога в лите-

ратурном языке (сделать что-то с помощью чего-то); при этом существительное в винительном падеже выполняет роль инструмента действия [30, т. 19, с. 97]. Учитывая же, что в русских диалектах *заламывать/заломить* может иметь в том числе такие значения, как «повредить, нарушить целостность, сломать; разрушить, привести в негодность, испортить; перевести, уничтожить; убить, растерзать, покалечить» [24, с. 308], т. е. тяготеет к идее уничтожения и разрушения, выражение *заламывать червей на мордвинник* можно прочесть как «уничтожить червей с помощью чертополоха».

Помимо изменения объекта действия (*заламывать траву / заламы-вать червей*), в текстах самих русских заговорах глагол *заламывать/заломить* «вовлекает» в лексическую и смысловую игру другие однокоренные глаголы. В результате в одном заговоре «встречаются» такие пары, как *заломить* и *сломать*, *заломить* и *отломить*: «На море, на океане, на острове Буяне растет Мордвин трава. Мордвин трава, заломы червей. Е с л и н е з а л о м и ш ь, т о я т е б е г о л о в у с л о м а ю ...» ([3, с. 64] Саратовская губ.); «Бульняк-бульнячина (польнь), белая на табе цвяцина, загну тябе, з а л о м л ю т я б е, покуля у моёй скотины, чорной шарстины, черви повысыпаютца, а тогды разогну тябе, о т л о м л ю т я б е» ([27, с. 135, № 56] Могилевская губ.). Пересечение глаголов возможно не только внутри текста заговора, но также и между текстом и ритуалом. Так, «*выломив* крючок [т. е. загнутый сучок] из дерева, притискивают этим крючком к земле траву татарник, говоря: “Татарник, татарник, боярин! *Выломи* и *выгони* у такого-то скота нечистую нечистоту. Если *выломишь* и *выгонишь*, так в третий день прийду, тебя отпущу, а если *не выгонишь* и *не выломишь*, так прийду, круче тебя загну. Аминь червям, аминь червям, аминь”» ([17, с. 206] Саратовская губ.).

Такое нагнетание глаголов, объединенных значением разрушения, истребления (*ломать* как «рушить, разрывать на части»), порождает «синергетический» эффект слова и действия.

П а р а л л е л и. Вербальный ритуал «заламывания червей» можно рассматривать как частный случай применения тактики угрозы по отношению к растениям (сломать или завязать растение, лишив его вегетативной силы), случай, который вписывается в широкий контекст магических ритуалов. В них в адрес растения высказывается угроза и производятся соответствующие действия — с тем чтобы «заставить» это растение (выступа-

ящее в качестве гипотетического посредника или, например, вместилища недуга) избавить человека или скотину от болезни или иного зла. Так, судя по описанию из Нижегородской губ., при приступе лихорадки больной находит «в лесу зеленую молоденькую осинку в свой рост... исподволь пригибает и завивает оную вершиною за корень ее, говоря: “коли покинешь, пушу, а не покинешь, тут тебе и высохнуть”»¹¹; тот же вербальный ритуал, совершаемый с двумя связываемыми вершиной березками, см. у В.И. Даля [9, с. 172]¹². В Белоруссии (Витебская губ.) при краже какой-нибудь вещи хозяин скручивал и пригибал к земле жменью травы, а затем придавливал ее камнем, надеясь, что после этом украденное вернется к нему [22, с. 85]. В Черногории во время приступа лихорадки к земле прижимали верхушки ветвей ежевики со словами: «Kad mene pušte groznice, tad ću ja vas pustiti» [Когда меня отпустит лихорадка, тогда я отпущу вас] [34, с. 91].

Заламывание как магическое действие встречаем и в других контекстах. У сербов в бассейне р. Тимок, если кто-нибудь хотел навредить новорожденной и лишить ее потомства, он должен был подойти на плодовом дереве заломить столько веток, сколько лет он хотел, чтобы у нее не было детей [13, с. 60]. В данном случае заламывание веток символизировало пресечение, останавливание фертильной функции невесты на определенное количество лет.

Наиболее же известной магической процедурой, имеющей в своем составе такое действие, как заламывать/заломить растение, является вредоносная практика, так называемый *залом*, или *завитка*. Смысл его состоял в том, что колуны и ведьмы скручивали, связывали в узел и переламывали пучок колосьев в поле, засеянном рожью, льном или коноплей, тем самым наводя порчу на урожай, на скотину хозяина поля, а также на самого хозяина и его семью. Это называлось «заламывать залом на чью-нибудь голову / на кого-то или что-то», см., например, бел. диал. *заламне на дитя, скотину, колосья заломала то на спину, то на ногу, то на голову* [20, с. 339–340] и т. п. Примечательно, что залом могли делать так же, как и в приведенном выше сербском сообщении, с целью насылания бесплодия на женщину, ср.

11 Бутурлин А. Загадки, приметы, присловицы, гадания, сбор. в с. Сурадзево Княгининского у. // РГО. Разряд XXIII. Оп. 149. Л. 18.

12 На Русском Севере «свивание березок» (связывание их верхушек) используется в ритуальных контактах с лешим — в случае пропажи в лесу человека или скотины [19, № 209, 214].

пример из Витебской губ.: «Когда бесплодие зависит от так наз. “заложеня”, или “залому” в жите, лучше всего пойти к колдуну или также выстрелить в залом, говоря при этом: “Не ў тебе стреляю, а ў таго, хто ламаў”» [45, с. 117].

Таким образом, очевидно, что каков бы ни был реальный адресат этого действия, заламывание имело символический смысл и преследовало цель остановить что-либо, прервать чье-либо естественное развитие/существование, поскольку по ходу ритуала нормальный (прямой) рост растения прерывался и колосья, ветка и стебель ломались¹³. Вместе с тем в зависимости от того, на кого было направлено заламывание, оно приобретало целетельную (*заломать червей*) или вредоносную (закрывать детородные пути у женщины, например) функции.

Обнаруживаемый в витебском описании параллелизм терминов *залом* и *заложене*, в свою очередь, указывает на то, что в символическом плане заламывание растений (чертополоха, осины или колосьев в поле) идентично другому типу ритуального заламывания, а именно так называемому заламыванию пути, дороги (*заложене* > *закладывать/заложить*, т. е. закрыть, перекрыть в том числе *дорогу*).

Заламывать дорогу, заламывать реку и т. п. выражения означают «сделать что-либо непроезжим», «воспрепятствовать движению», «перегородить», «загромоздить»; *заломить медведя* «перегородить выход из берлоги» (см.: [11, с. 595–596; 30, т. 10, с. 192–193]), см. аналогичное выражение в контексте свадебного обряда, когда при въезде в деревню после венчания посторонние перегородивали дорогу веревкой (*заламывали дорогу*), тем самым препятствуя движению свадебного поезда, чтобы получить деньги на выпивку ([33, с. 242] Ярославская губ.). Заламывание дороги практиковалось и в бытовой магии: человек, желающий навсегда покинуть надоевшее ему место, уезжая, заламывал за собой ветку осины, тем самым как бы пресекая самому себе путь назад: «Я сюды не вернуса. Я луччэ осинаю заломлю этии Стодоличы <название села> — и раз так во заломиць»¹⁴.

13 Прямую аналогию этим ритуалам составляют известные гадания на растениях: несколько одинаковых травянистых растений, помеченных каждое индивидуальным знаком, «заламывали» пополам, а через несколько дней возвращались и смотрели, что с ними стало: завядшее растение предвещало смерть, покривившееся, но оставшееся на корню — болезнь и выздоровление, а поднявшееся — долгую жизнь.

14 Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва. (Далее — ПА). Стодоличы Гомельской обл.

«Заламывание» пути фигурирует и в фольклорных контекстах, в основном из области вербальной магии. Чтобы «полевой царь» (мифический хозяин полей и лесов) не помешал корове потеряться во время выпаса, пастух читал заговор, в котором грозился «заломить» дорогу самому полевому царю и не дать тому вернуться домой: «Полевой царь... Не отдадите моей коровы, я в а м з а л о м л ю п у т и и д о р о г и, м х и и б о л о т а, ч т о н е п р о й т и в а м, н е п р о е х а т ь...» ([23, с. 10] Новгородская губ.). В белорусских песнях, исполнявшихся в составе обряда «проводов русалки», встречаются такие строки: «Правяду русалку, правяду, / Д а й а с і н к а ю з а л а м л ю, / Каб тая русалка не хадзіла, / Майго жыта не ламіла» ([5, № 284] Гомельская обл.); «Праўяду русалку, праўяду, / На зелену мураву, / Д а я с і н а ю з а л а м л ю, / Да шупшынаю закалю»¹⁵. Используемое в этих песнях выражение *заламіць <русалку> асінаю* («заломить русалку осиной») означает «преградить русалке дорогу назад с помощью осины». Здесь мы вновь сталкиваемся со случаем языковой игры: русалке «заламывают дорогу», чтобы она не «ломала» жито.

* * *

Рассмотренные вербальные ритуалы, совершаемые с целью изгнания червей из раны, интересны прежде всего тем, что показывают, как символика заговоров, их мотивы и язык формируются на пересечении ритуала, фольклорной образности и диалектной речи, в том числе названий растений. В типологическом плане эти вербальные ритуалы вписываются в широкий круг славянских вербальных формул, основанных на семантике «заламывания», а различия между узусом отдельных формул определяются в том числе смысловыми нюансами диалектной лексики и в частности значениями глагола «заламывать» и его вариантов.

15 ПА, Копачи Киевской обл.

Список литературы

- 1 *Афанасьев А.Н.* Несколько народных заговоров // *Летописи русской литературы и древности.* М.: Изд. Н.С. Тихонравовым, 1862. Т. 4. Отд. III. С. 72–80.
- 2 *Борисовский А.И.* Приметы, обычаи и пословицы в пяти волостях Нижегородского уезда // *Нижегородский сборник.* Нижний Новгород: Нижегородский статистический комитет, 1870. Т. 3. С. 197–225.
- 3 *Булушева Е.* Заговоры в фольклоре Саратовского Поволжья // *Саратовский вестник.* Саратов: [Б.и.], 1994. Вып. 4: Заговоры. С. 1–65.
- 4 *Вельмезова Е.В.* Чешские заговоры. Исследования и тексты. М.: Индрик, 2004. 280 с.
- 5 *Веснавыя песні / склад.* Г.А. Барташэвіч, Л.М. Салавей. Мінск: Навука і тэхніка, 1979. 608 с.
- 6 *Володина Т.* Заговоры от червей в ране — белорусская традиция на европейском фоне // *Заједничко у словенском фолклору.* Зборник радова / уредник Љ. Раденковић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. С. 93–107.
- 7 *Голубых М.Д.* Казачья деревня / под ред. М. Феноменова. М.: Гос. изд-во, 1930. 324 с.
- 8 *Гусев А.* Поверья, праздники, песни и сказки в станице Ардонской Терской области // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Тифлис: СМОМПК, 1893. Т. 16. С. 317–366.
- 9 *Даль В.И.* О народных врачебных средствах // *Журнал Министерства внутренних дел.* СПб., 1843. № 8. С. 161–186.
- 10 *Даль В.И.* О повериях, суевериях и предрассудках русского народа // *Иллюстрация.* СПб., 1845. № 16. С. 250–251.
- 11 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. 1. 723 с.
- 12 *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891. Ч. 1. 716 с.
- 13 *Борђевић Т.Р.* Деца у веровањима и обичајима нашег народа. Београд: Српска краљевска академија, 1941. 302 с.
- 14 *Завьялова М.В.* Балто-славянский заговорный текст. Лингвистический анализ и модель мира. М.: Наука, 2006. 563 с.
- 15 *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг.: Тип. А.В. Орлова, 1914. Вып. 1. 484 с.
- 16 *Зеленин Д.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // *Труды Института антропологии, археологии и этнографии.* Т. 15. Вып. 2. Этнографическая серия 5. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 77 с.
- 17 *К. (Карпов У.С.)* Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии // *Отечественные записки.* СПб., 1848. Т. 56. № 2. Смесь. С. 201–206.

- 18 *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. М.: Индрик, 2009. 352 с.
- 19 *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Изд-во «Русский фонд содействия образованию и науке», 2011. 622 с.
- 20 *Народная демонология Полесья.* Публикация текстов в записях 80–90-х годов XX века. М.: ЯСК, 2010. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. 647 с.
- 21 *Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков) / сост., вступ. ст. и коммент. А.В. Коровашко.* Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 1997. 128 с.
- 22 *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губернская типо-литография, 1897. 308 с.
- 23 *Пардалоцкий О.* Народные приметы, суеверия и предрассудки, заговоры и ворожба // Новгородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1875. № 19. С. 9–10.
- 24 *Псковской областной словарь.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. Вып. 11. 352 с.
- 25 *Пятницкий Ар.* Суеверия, поверья и приметы, заговоры, лечения и гадания // Прибавление к Тульским епархиальным ведомостям. Тула, 1873. № 6. С. 223–229.
- 26 *Религия и церковь в Сибири.* Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1992. Вып. 3. 96 с.
- 27 *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина, 1891. Вып. 5. 488 с.
- 28 *Садовников Д.* Этнографические материалы Поволжского края // Симбирские губернские ведомости. Часть неофициальная. Симбирск, 1874. № 34, № 40.
- 29 *Серебренников В.Н.* Народные заговоры, зап. в Оханском у. Пермской губернии // Кружок по изучению северного края при Пермском ун-те. Пермь, 1918. С. 1–28.
- 30 *Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л./СПб.: Наука, 1965–.* Вып. 1–.
- 31 *Словник української мови / ред. П.П. Доценко, Л.А. Юрчук.* Київ: Наукова думка, 1971. Т. 2. 552 с.
- 32 *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча.* Мінск: Акадэмія навук Беларускай ССР, 1980. Т. 2. 728 с.
- 33 *Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. Л.: Наука, 1985. 360 с.*
- 34 *Усачева В.В.* Словесные формулы в народной медицине славян // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. М.: Наука, 1988. Вып. 1. С. 88–92.
- 35 *Adámek K.* Lid na Hlinecku. Praha: Archeologická komise při České akademii císaře F. Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1900. 386 s.

- 36 *Bartoš Fr.* Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč: Ná kl. E. Šolce, 1892. 328 s.
- 37 *Biegeleisen H.* Lecznictwo ludu polskiego. Kraków: Polska Akademia umiejętności, 1929. 371 p.
- 38 Lietuvių užkalbėjimai: gydymo formulės / parengė D. Vaikevičienė. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008. 920 p.
- 39 *Mannhardt W., Heuschkel W.* Wald- und Feldkulte. Mythologische Untersuchungen. Bd. I. Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstamme. 2 Auflage. Berlin: Borntraeger, 1904. 648 S.
- 40 *Rokossowska Z.* Zamawiania («zmowlania») we wsi Jurkowszczyźnie w pow. Zwiąhelskim // *Wisła*. Warszawa, 1900. T. 14. S. 458–461.
- 41 *Siarkowski W.* Materiały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc. Cz. 2 // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków: Polska akademia umiejętności, 1879. T. 3. S. 3–61.
- 42 Směs // Český lid. Etnologický časopis. Praha, 1912. T. 22. S. 204–207.
- 43 *Szukiewicz W.* Niektóre wierzenia, pszesady i zabobony ludu naszego, legendy i podania // *Kwartalnik litewski*. Wilno: Stow. Naucz. Polskiego, 1910. T. 4. S. 111–124.
- 44 *Talko-Hrynczewicz J.* Zarys lecnictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków: Polska akademia umiejętności, 1893. 470 p.
- 45 *Werenko F.* Przyczynek do lecnictwa ludowego // *Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne*. Kraków: Polska akademia umiejętności, 1896. T. 1. S. 99–228.

References

- 1 Afanas'ev A.N. Neskol'ko narodnyh zagovorov [Several folk spells]. *Letopisi russkoi literatury i drevnosti* [Chronicles of Russian literature and antiquity]. Moscow, N.S. Tihonravov Publ., 1862, vol. 4, part III, pp. 72–80. (In Russ.)
- 2 Borisovsky A.I. Primety, obychai i poslovitsy v piati volostiakh Nizhegorodskogo uezda [Signs, customs, and proverbs in five regions of the Nizhny Novgorod county]. *Nizhegorodskii sbornik* [Nizhny Novgorod collection]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii statisticheskii komitet Publ., 1870, vol. 3, pp. 197–225. (In Russ.)
- 3 Bulusheva E. Zagovory v fol'klоре Saratovskogo Povolzh'ia [Incantations in the folklore of Saratov Volga region]. *Saratovskii vestnik*. Saratov, 1994, issue 4: Zagovory [Spells], pp. 1–65. (In Russ.)
- 4 Vel'mezova E. *Cheshskie zagovory. Issledovaniia i teksty* [Czech incantations. Research and texts]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 280 p. (In Russ.)
- 5 *Vesnavyja pesni* [Spring folk songs], comp. G.A. Bartashewich, L.M. Salavej. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1979. 608 p. (In Belarusian)
- 6 Volodina T. Zagovory ot chervei v rane – belorusskaia traditsiia na evropeiskom fone [Charms to cast worms out of the wound – Belarusian tradition against the European

- background]. *Zajednichko u slovenskom folklore* [Common in Slovenian folklore], ed. by Lj. Radenkovich. Belgrade, Balkanološki Institute Publ., 2012, pp. 93–107. (In Russ.)
- 7 Golubykh M.D. *Kazach'ia derevnia* [Cossack village], ed. by M. Fenomenov. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1930. 324 p. (In Russ.)
- 8 Gusev A. Pover'ia, prazdniki, pesni i skazki v st. Ardonskoi Terskoi oblasti [Beliefs, holidays, songs, and fairy tales in Ardonskaya village in Terskaja region]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials for describing areas and tribes in the Caucasus]. Tiflis, SMOMPК Publ., 1893, vol. 16, pp. 317–366. (In Russ.)
- 9 Dahl' V.I. O narodnykh vrachebnykh sredstvakh [On medical means in traditional folklore]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, St. Petersburg, 1843, no 8, pp. 161–186. (In Russ.)
- 10 Dahl' V.I. O pover'iakh, sueveriiakh i predrassudkakh russkogo naroda [On the beliefs, superstitions, and prejudices of the Russian people]. *Illiustratsiia*, St. Petersburg, 1845, no 16, pp. 250–251. (In Russ.)
- 11 Dahl' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language], 2nd ed. St. Petersburg; Moscow, M.O. Vol'f Publ., 1880. Vol. 1. 723 p. (In Russ.)
- 12 Dobrovol'sky V.N. *Smolenskii etnograficheskii sbornik* [Smolensk ethnographic collection]. St. Petersburg, Tipografija E. Evdokimova Publ., 1891. Part 1. 716 p. (In Russ.)
- 13 Dzhordzhevich T.R. *Detsa u verovanima i obichajima nasheg naroda* [Children in the beliefs and customs of our people]. Belgrade, Srpska kraljevska akademija Publ., 1941. 302 p. (In Serbian)
- 14 Zavyalova M.V. *Balto-slavjanskii zagovornyi tekst. Lingvisticheskii analiz i model' mira* [Baltic and Slavic text of incantation. Linguistic analysis and the model of the world]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 563 p. (In Russ.)
- 15 Zelenin D.K. *Opisanie rukopisei Uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Description of manuscripts of the Academic Archive of the Imperial Russian Geographical Society]. Petrograd, Tipografija A.V. Orlova Publ., 1914. Issue 1. 484 p. (In Russ.)
- 16 Zelenin D. Totemy-derev'ia v skazaniiakh i obriadakh evropeiskikh narodov [Totem trees in the legends and rituals of European peoples]. *Trudy Instituta antropologii, arheologii, etnografii* [Proceedings of the Institute of Anthropology, Archeology and Ethnography]. Vol. 15. Issue 2. Etnograficheskaia seriia [Ethnographic series] 5. Moscow; Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1937. 77 p. (In Russ.)
- 17 K. (Karpov U.S.) Predrassudki i pover'ia krest'ian v Petrovskom uezde Saratovskoi gubernii [Prejudices and beliefs of the peasants of Petrovsky county, Saratov province]. *Otechestvennye zapiski*, 1848, vol. 56, no 2, Smes', pp. 201–206. (In Russ.)

- 18 Kolosova V.B. *Leksika i simbolika slavjanskoj narodnoj botaniki* [Vocabulary and symbols of Slavic ethnobotany]. Moscow, Indrik Publ., 2009. 352 p. (In Russ.)
- 19 Krinichnaia N.A. *Krest'ianin i prirodnaia sreda v svete mifologii. Bylichki, byval'shchiny i pover'ia Russkogo Severa* [The peasant and the natural environment in the light of mythology. Mythological stories and beliefs of the Russian North]. Moscow, Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke Publ., 2011. 622 p. (In Russ.)
- 20 *Narodnaia demonologiya Poles'ia. Publikatsiia tekstv v zapisiakh 80–90-kh godov XX veka* [Folk Demonology of Polesian region. Publication of the texts from the records made in the 1980s–1990s], comp. and comm. by L.N. Vinogradova, E.E. Levkieskaya. Moscow, JaSK Publ., 2010. Vol. 1. Liudi so sverkh"estestvennymi svoistvami [People with supernatural traits]. 647 p. (In Russ.)
- 21 *Nizhegorodskie zagovory (V zapisiakh XIX–XX vekov)* [Nizhny Novgorod incantations (In the records made in the 19th–20th centuries)], comp. and comm. by A.V. Korovashko. Nizhny Novgorod, Nichegorodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1997. 128 p. (In Russ.)
- 22 Nikiforovsky N.Ia. *Prostonarodnye primety i pover'ia, suevernye obriady i obychai, legendarnye skazaniia o litsakh i mestakh* [Popular signs and beliefs, superstitious rituals and customs, legendary tales about faces and places]. Vitebsk, Gubernskaia tipolitografiia Publ., 1897. 308 p. (In Russ.)
- 23 Pardalotsky O. Narodnye primety, sueverii i predrassudki, zagovory i vorozhba [Folk signs, superstitions and prejudices, incantations and telling fortunes]. *Novgorodskie gubernskie ведомosti. Chast' neofitsial'naia*, 1875, no 19, pp. 9–10. (In Russ.)
- 24 *Pskovskii oblastnoi slovar'* [Pskov regional dictionary]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet Publ., 1995. Issue 11. 352 p. (In Russ.)
- 25 Pyatnitsky Ar. Sueverii, pover'ia i primety, zagovory, lecheniia i gadaniia [Superstitions, beliefs and signs, incantations, medical means and divination]. *Pribavlenie k Tul'skim eparkhial'nym ведомostiam*, Tula, 1873, no 3, pp. 223–229. (In Russ.)
- 26 *Religiia i tserkov' v Rossii* [Religion and church in Russia]. Tiumen', Tiumenskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1992. Issue 3. 96 p. (In Russ.)
- 27 Romanov E.R. *Belorusskii sbornik* [Belarusian collection]. Vitebsk, Tipolitografija G.A. Malkina Publ., 1891. Issue 5. 448 p. (In Russ.)
- 28 Sadovnikov D.N. Etnograficheskie materialy Povolzhskogo kraia [Ethnographic materials of Volga region]. *Sibirskie gubernskie ведомosti. Chast' neofitsial'naia*, Simbirsk, 1874, no 34, 40. (In Russ.)
- 29 Serebrennikov V.N. Narodnye zagovory, zap. v Okhanskom u. Permskoi gubernii [Folk conspiracies recorded in the Ohanski county, Perm province]. *Kruzhok po izucheniiu severnogo kraia pri Permskom universitete* [Perm University research group specializing on the northern region]. Perm', 1918, pp. 1–28. (In Russ.)
- 30 *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian popular dialects], ed. by F.P. Filin. Leningrad, Nauka Publ., 1965–. Vol. 1–. (In Russ.)

- 31 *Slovník ukraíns'koj movi* [Dictionary of Ukrainian language], ed. by P.P. Dotsenko, L.A. Jurchuk. Kiïv, Naukova dumka Publ., 1971. Vol. 2. 552 p. (In Ukrainian)
- 32 *Slovník belaruskikh gavorak paŭnochna-zahodnij Belarusi i jaje pagranichcha* [Dictionary of Belarusian dialects of North-Western Belarus and its border zones]. Minsk, Akademija Navuk Belaruskaj SSR Publ., 1980. Vol. 2. 728 p. (In Belarusian)
- 33 *Traditsionnye obriady i obriadovyi fol'klor russkikh Povolzh'ia* [Traditional rites and ritual folklore of the Russians in Volga region], comp. G.G. Shapovalova, L.S. Lavrent'eva. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 360 p. (In Russ.)
- 34 Usacheva V.V. Slovesnye formuly v narodnoi meditsine slavian [Verbal formulas in Slavic folk medicine]. *Etnolingvistika teksta. Semiotika mal'nykh form fol'klora* [Ethnolinguistic text. Semiotics of small forms of folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1988, vol. 1, pp. 88–92. (In Russ.)
- 35 Adámek K. *Lid na Hlinecku*. Praha, Archeologická komise při České akademii císaře F. Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1900. 386 p. (In Czech)
- 36 Bartoš Fr. *Moravský lid*. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč, E. Šolce, 1892. 328 p. (In Czech)
- 37 Biegeleisen H. *Lecznictwo ludu polskiego*. Kraków, Polska Akademia umiejętności, 1929. 371 p. (In Polish)
- 38 *Lietuvių užkalbėjimai: gydyimo formulės, parengė D. Vaikevičienė*, comp., ed. and introd. by D. Vaikevičienė. Vilnius, Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008. 920 p. (In Lithuanian)
- 39 Mannhardt W., Heuschkel W. *Wald- und Feldkulte. Mythologische Untersuchungen. Bd. 1. Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme. 2 Auflage*. Berlin, Borntraeger, 1904. 648 S. (In German)
- 40 Rokossowska Z. Zamawiania (“zmoŵlania”) we wsi Jurkowszczyźnie w pow. Zwiąhelskim. *Wiśła*, Warszawa, 1900, vol. 14, pp. 458–461. (In Polish)
- 41 Siarkowski W. Materiały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc. Cz. 2. *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków, Polska akademia umiejętności, 1879, vol. 3, pp. 3–61. (In Polish)
- 42 Směs. *Český lid. Etnologický časopis*. Praha, 1912, vol. 22, pp. 204–207. (In Czech)
- 43 Szukiewicz W. Niektóre wierzenia, pszesady i zabobony ludu naszego, legendy i podania. *Kwartalnik litewski*. Wilno, Stow. Naucz. Polskiego, 1910, vol. 4, pp. 111–124. (In Polish)
- 44 Talko-Hryncewicz J. *Zarys lecnictwa ludowego na Rusi południowej*. Kraków, Polska akademia umiejętności, 1893. 470 p. (In Polish)
- 45 Werenko F. Przyczynek do lecnictwa ludowego. *Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne*. Kraków, Polska akademia umiejętności, 1896, vol. 1, pp. 99–228. (In Polish)